

В начале было

С Л О В О

В
И
К
Т
О
Р
И
Я

У
П
И
Н

Айдар Хусаинов

и его книги

12+

Виктор Улин
В начале было Слово

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Улин В.

В начале было Слово / В. Улин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Рассуждая над книгами своего друга, башкирского писателя Айдара Хусаинова, автор - профессиональный литератор - вспоминает разные времена жизни и разных людей, поднимает вопросы, связанные с современным литературным процессом и местом писателя в нынешнем мире, дает оценки признанным авторитетам. Эти мысли могут быть созвучны многим художникам, а также заинтересуют любого человека, неравнодушного к искусству слова. © Виктор Улин 2018 г. – дизайн обложки (оригинал фото из Интернета).

© Улин В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Трагедия Айдара Хусаинова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Трагедия Айдара Хусаинова

(Роман «Культур-мультиур», 2001-2012)

В недобрые годы границы XX – XXI веков республикой Башкортостан («*малой родиной*» автора этих строк) правил князь в высшей степени одиозный, сама память о котором не вызовет симпатии у нормального человека.

Именно при нем, отдавшем цветущий край – богатый и природой и нефтью и людьми – на откуп своей родне и проложившем за годы власти едва ли не единственную приличную дорогу (от Уфы до своей деревни) во всей республике, имеющей площадь 143 000 квадратных километров, здесь совершился поворот «*все вдруг*» на 180 градусов.

Вся жизнь пошла в пещерную эпоху.

На местных телеканалах не звучали фортепианные концерты учеников Михаила Акимовича Зайдентрегера, не сияли солнечные картины Александра Даниловича Бурзянцева – торчали юрты из гнилого войлока да качались долбленые зыбки, вонючие на вид.

И раздавались не вечные на все времена слова башкирского поэта Мустая Карима, а косноязыкий бред временщиков, каких всегда находится достаточно.

И сам собой возник анекдот – кажущийся веселым лишь тому, кто не жил *тогда и здесь*.

Однажды правителю задали вопрос:

– N.N., почему в Вашей республике даже писатели говорят, как питекантропы – «навлин-мавлин», «базар-вокзал» и т.д.?

– Почему?..

Владыка наморщил лоб.

– ...Да вот такой у нас тут культур-мультиур...

** * **

Именно этот анекдот всплыл из памяти, когда моя давняя подруга Светочка Смирнова дала почитать роман моего давнего друга Айдара Хусаинова, носящий название

«КУЛЬТУР-МУЛЬТУР»

** * **

Именно в мужском роде и именно с добавкой «*мультиур*» видится ужасающая по своей достоверности «*культура*» города Уфы, которую показывает нам писатель через взгляд не слишком счастливого литератора Багрова – в котором до мельчайших черточек я узнаю самого автора.

Поначалу роман вызывает ассоциацию с «**Мастером и Маргаритой**».

Ведь даже магазин «*Оптика*» на перекрестке улиц Ленина и Октябрьской революции (в котором еще мама заказывала мне очки...) описан с той же детальностью, с какой в культовом романе нарисован «*Грибоедов*» (нынешнее главное здание Литинститута).

(В отличие от не описанного корпуса заочного отделения: в те времена даже Булгаков не мог знать, что спустя годы там будет жить всемирно известный Литинститутский дворник писатель Андрей Платонов...)

Но ассоциация приходит лишь в первых строчках, тает по мере чтения и полностью пропадает в конце.

Ведь роман Булгакова при всей сатиричности наполнен светлой силой, да и в финале раздается всем сестрам по серьгам: опереточные злодеи наказаны, опереточные добродетели вознаграждены.

А у Хусаинова все далеко не опереточно и безысходно с самого начала.

Роман «**Культур-мультиур**» при внешней бесшабашности художественной ткани – это трагедия.

Трагедия не в античном смысле – не противоречие живых человеческих чувств и химерического «долга» – а конфликт куда более глубокий.

Трагедия неприятия бытия.

* * *

Как не может не быть трагедией жизнь художника, которого *чорт догадал родиться в России с душою и талантом* – о чем еще 200 лет назад говорил Александр Сергеевич Пушкин.

* * *

С Айдаром Хусаиновым мы знакомы давно – как и со вторым моим другом тех времен Иосифом Гальпериним – года с 1987.

Увы, начало нашего знакомства никакой дружбы не предвещало.

В те времена я писал статьи да очерки, будучи внештатным корреспондентом городской газеты «**Вечерняя Уфа**», о чем рассказано в мемуаре «**Юрий Федорович Дерфель подержал под локоток**».

Но все-таки уже начинал осмысленную литературную деятельность, хоть не думав еще ни о Литинституте, ни о чем-то дальнейшем.

Заглядывал в русскую секцию Башкирского отделения Союза писателей СССР – в старинный особняк на улице Коммунистической, бывшей Сталина – и участвовал в молодежных играх, поскольку сам был почти молодым.

В «**Вечерней Уфе**» литературной работы не велось, она кипела при другой газете, в том же редакционно-издательском комплексе, именуемом «*Домом печати*».

В нашем городе выделялись три русскоязычных периодических издания.

Моя «**Вечорка**» старалась оставаться в нейтралитете, не отклоняясь ни вправо, ни влево – чтобы быть понятой всеми кругами читателей.

Партийная «**Советская Башкирия**» (позже положившая партбилет и ставшая «**Республикой Башкортостан**») была официозной, то есть сухой и скучной. Она несла в массы регулярные постановления правительства, политические новости, нескончаемые вести с действительно бесконечных полей – ее выписывали по разнарядке, читали по необходимости.

Комсомольский по статусу «**Ленинец**» в те годы стал диссидентским, тон там задавала экзальтированная молодежь, следовавшая извечному российскому принципу:

«сперва разрушим все, что есть – затем подумаем, что будет».

Отношение нему в массах было диаметрально.

Одни вдыхали *свежий ветер перемен*, считали «**Ленинец**» *Газетой* и принимали его за истину в последней инстанции.

Другие полагали идеологический раскол вредным всегда и везде еще с эпохи Крестовых походов – видели в этом органе *газетёнку* и между собой именовали «**Хренинцем**».

При «**Ленинце**» с давних времен существовало сильнейшее русское литобъединение, руководимое по линии ВЛКСМ писателем Рамилем Гарафовичем Хакимовым.

Человек талантливый и цельный, он вывел в литературу немало моих земляков.

(Например, из года в год в местном «*Башкирском издате*» выходили составленные им сборники прозы молодых авторов, конструктивно именовавшиеся «**Истоками**».)

Я писал о том в своей юбилейной статье для «**Вечерней Уфы**».

Моя первая прозаическая публикация в 1991 году – рассказ «**Место для года**» в той же газете – произошла при содействии Рамиля Гарафовича и с его вступительным словом.

Но увы!.. В те времена Хакимов уже был нездоров, устал от подвижнической (и не всегда благодарной!) работы, насмерть перессорился с БО СП и – будучи умным – наверняка понимал как бесперспективность прежних методов, так и отсутствие новых.

И потому в те дни литобъединением при «**Х***це**» заправлял другой человек.

* * *

Его нет на этом свете, но я не могу писать с пиететом.

Он был литературным критиком при «**Вечерней Уфе**».

В позднейшие времена вел некий «*Литальманах*» уже там, выпускал какие-то околотературные сборники под странноватым для творческого процесса названием «**Сутолока**».

(*Сутолокой* в Уфе именуется малый приток Агидели – вонючая речка, протекающая через старую часть города и исконно служившая сливом для отхожих мест частного сектора...)

Будучи (возможно) талантливым, критик не допускал в окружающих миллиметрового расхождения со своими взглядами. И, получив волю в те времена, которые без устали проклинал, всех инакомыслящих не то что загнал бы в лагеря, а расстрелял сразу и на месте.

Когда в 1993 году издательство «*Китан*» выпустило мою первую книгу «*Запасной аэродром*», где в повести «**Девятый цех**» я вскользь нарисовал перспективы демократической вакханалии, он опубликовал немотивированно разгромную рецензию, после которой мне не хотелось не только писать, но даже жить.

В литобъединении при нем литературой уже не веяло; там шли одни околополитические баталии.

Все, что Рамиль Гарафович Хакимов создавал невесть сколько, *как бы Белинский* разрушил за пару лет.

Этого человека под реальной фамилией Айдар вывел в своем романе; больше о нем говорить не хочу.

* * *

С Хусаиновым мы познакомились не слишком хорошо.

Точнее – *совсем плохо*.

В те времена я был глуп, Айдар – молод; мы повелись на перестроечную демагогию и ругались попусту.

Хотя сам я никогда не отличался априорной злобой к окружающим, а мой друг всегда был таким, что от одной его улыбки светлеет на душе.

Думать о прошлом неприятно, вспомнил я все лишь для того, чтобы в очередной раз повиниться перед Айдаром Хусаиновым за все свои ненужные слова.

От ошибок не застрахован никто; истинно человеческой является способность их признавать.

* * *

По-новому нас свел Литинститут, где Хусаинов учился парой лет позже меня.

Однажды я зашел в комнату нашей *литобщицы* – уже не помню, к кому и зачем – и среди сидящих увидел знакомое лицо.

– *Айдарка... твою мать... Это ты?..*

Суффикс я употребил лишь потому, что имя Айдара – как и большинство тюркских – не имеет уменьшительного варианта, а упоминание чьей-то матери... Ну не хватило нормативных эмфатических средств для выражения эмоций, захлестнувших меня от радости неожиданной встречи.

– *...Мать твою, Витя... А это – ты??!!..*

Дальше последовала немая сцена, сопровождавшаяся пожатиями рук, взаимными объятиями и скупыми мужским поцелуями.

Хозяева комнаты наблюдали с пониманием

Ведь только дураки полагают, будто художники должны испытывать взаимную ненависть.

– *Послушай, а что мы с тобой тогда делили?*

– спросил Айдар, сверкая повлажневшими глазами.

– *Не знаю, черти бы меня взяли,*

– пробормотал я.

Я и в самом деле не мог понять, почему мы, два умных человека, не могли рассмотреть друг в друге хорошего, а отмечали лишь плохое с подачи того самого немывтого «*Виссариона*».

* * *

Потом, уже в Уфе, мы стали встречаться с Айдаром по разным поводам и в СП и просто так – и всякий раз он делал мне добро.

Например, благодаря ему передача «*Книжный дом*», идущая на местном ТВ, рассказала о моей второй книге «**Ошибка**», основанной на одноименном романе.

* * *

Заговорив о тех днях, вспоминаю некоторые детали.

Здесь на сайте произведение имеет заставку моего дизайнера – страшноватую и агрессивную, но вызывающую эмоции. Тогда на руках у меня была книга, выпущенная в 2006 году издательством «*АСТ/Зебра Е*» с их обложкой – не выражавшей ничего, но украшенной изображением автоматического пистолета Стечкина.

Мои ориентиры сменились; сегодня я вряд ли напишу триллер с морем крови, подобный тому роману (имевшему автобиографические основы) – но тогда он казался удачным. Да и

радость от книги, вышедшей не где-нибудь, а в Москве, не могла быть омрачена даже тем, что ничтожный гонорар в 20 000 рублей за 17 авторских листов художественной прозы я выбивал из издательства без малого два года.

Но все-таки, зная зашоренность местных нравов, я выразил опасение относительно того, стоит ли приносить на ТВ книгу с пистолетом на обложке – тем более, что сам Айдар был человеком миролюбивым.

– *В моей передаче приемлема любая книга, на которой нет свастики!*

– ответил Хусаинов.

Тогда я просто обрадовался отсутствию проблем.

Теперь вижу вещи куда шире.

* * *

Словами о *неприемлемости свастики* Айдар Хусаинов подчеркнул свою позицию.

Ведь только кажется, что свастика есть атрибут сугубо немецкий.

На самом деле любой национализм – будь он хоть немецким, хоть шведским, хоть китайским – в конечном итоге приводит именно к свастике.

А за ней всегда следует то, о чем я давно писал в мемуарно-публицистическом романе «**Умерший рай**», в главах о посещении памятника скорби на месте концлагеря Бухенвальд:

...любой национализм даже в самом невинном проявлении – вроде песни на непонятном языке, заучиваемой в детском саду – имеет один и тот же конечный пункт: ребристые, как кошачье нёбо, жерла печей крематория.

Художник слова – да и любой художник вообще! – по самому определению своего призвания **не может быть националистом.**

Скатившись к национализму, он перестанет быть художником.

Что подтвердил результат недобрых перемен, нарисованный Айдаром Хусаиновым в его книге.

* * *

Роман «**Культур-мультиур**» побуждает затронуть тему национальности художественного творчества.

Сам Айдар – башкир, но аутогенный герой его носит русскую фамилию.

Почему?

Да потому, что поднятые проблемы не касаются отдельной нации, не привязаны к определенному городу, а характерны для любого субъекта Российской Федерации, где происходили процессы, сходные тем, что бурлили в среде творческой интеллигенции Уфы – миллионной столицы огромной республики Башкортостан.

Ведь республика существует в составе страны, которая до недавнего времени славилась достижениями русскоязычной литературы, впитавшей лучшие достижения литературы малых народов России и возвратившей им лучшее, что могла возвратить.

О значении русского языка и русской культуры говорили в разное время разные мудрые люди.

И казах Абай Кунанбаев и башкир Мустай Карим.

Последний сегодня превращен в нечто вроде иконы: улица проживания переименована в его честь, сам он сделан символом национальной культуры.

Между тем, бывав в 90-х годах на съездах писателей Башкирии, я помню, как деятели с членскими билетами СП СССР распинали Мустая за недостаточную глубину национального самосознания.

Ведь все они писали одну бесконечную повесть об убогой башкирской деревне 20-х годов, интересную лишь ее авторам (которые, кстати говоря, всеми силами стремились в город и жили в квартирах вовсе не коммунальных...) – а он создал великие произведения, переведенные на все языки и понятные всем.

(Сам Мустафа Сафич Каримов, сидевший в зале недалеко от меня, при тех словах встал и молча поднял руки вверх, понимая бесполезность борьбы с тюбетеечной гвардией.)

Истинное искусство не может замыкаться в национальные рамки; лучшая советская литература классического реализма остается одним из лучших образцов мировой словесности.

Разумеется, я не хочу сказать, что местные особенности должны отметаться. Напротив, нельзя написать ничего существенного, отправив героев с выдуманными именами неизвестно когда в путь к несуществующей планете за пределы Солнечной системы.

Но писать о реальной жизни с ее частными особенностями надо так, чтобы эти частности не затушевывали общих вопросов.

Говоря о том, не могу не вспомнить одного из моих любимых писателей, эстонца Энна Ветемаа.

Автор – прибалт до мозга костей, все его произведения основаны на конкретном материале, с его страниц слышится певучая эстонская речь. Но тем не менее его лучшие «*маленькие романы*»: «**Монумент**», «**Усталость**», «**Яйца по-китайски**» и в особенности «**Снежный ком**» – понятны человеку любой национальности, поскольку затрагивают вечные проблемы, лишь окрашенные местным колоритом.

Что же касается русскоязычной литературы, то здесь действует стереотип восприятия.

Язык Пушкина и Чехова стал эталонным для мировой культуры, их персонажи сделались символами, а любой выходец из России именуется русским, будь он хоть калмыком с Чукотки.

Выбрав главного героя, Айдар Хусаинов поднял свой роман на внациональный уровень, хотя многие персонажи носят имена татарские и башкирские.

* * *

Национальный вопрос как таковой является одним из самых трудноразрешимых.

Можно сбрить бороду, покрасить волосы, сделать пластическую операцию и даже поменять пол – но национальность сменить нельзя. Она дается при рождении и остается постоянной всю жизнь.

Потому-то человеком так просто управлять, надавив на кнопку, которую невозможно отключить.

Хотя по существу все люди – братья.

* * *

Около пятнадцати лет своей жизни я отдал Башкирскому государственному университету.

Главный ВУЗ Башкортостана на рубеже веков был центром не национализма, даже не расизма, а какого-то первобытнообщинного местничества: башкирская интеллигенция делила себя на сорта по районам происхождения.

В этом нет ничего странного; малый народ одурманить легче всего.

Но я никогда не забуду одного сослуживца – кандидата физ-мат наук, доцента ВАК и чистокровного башкира из деревни высшего сорта.

Впадая в *выпитое* благодушие на каком-нибудь юбилее, он повторял одни и те же слова:

– *Виктор! Так тебя люблю, и неважно, что Я русский, а ТЫ – башкирин!..*

И в этой его фразе – несмотря на комическую ошибку смысла – раскрывалось все, что должен понимать и поддерживать любой человек: национальные различия важны лишь тем, кто наживается на их раздувании.

* * *

Я никогда – ни в мыслях, ни в героях – не замыкался в национальных рамках, пытался внести хоть что-то в культуру – *русскую* по названию и *общечеловеческую* по сути.

Ведь величайший русский поэт был эфиопом.

Один из лучших русских прозаиков, знаток самых тонких струн человеческой души, был татаринном.

Художник, полнее прочих выказавший единение с трагичной в своем величии русской природой, был евреем.

Список можно продолжить.

Потому мне так близок по духу Айдар Хусаинов – гражданин мира.

* * *

Говоря об интернациональной культуре, подчеркну, что она вовсе не требует ни нивелирования, ни отказа от национальных различий.

Само слово «*интернационализм*» основано на понятии *национального*.

Общечеловеческая культура подразумевает взаимное обогащение наций.

Айдар Хусаинов – художник и человек ! – представляет образец такового.

Владея русским литературным языком лучше иных природных носителей, он пишет глубокую русскую прозу и прекрасные русские стихи.

(Подчеркну, что знание нескольких языков и служит признаком интеллекта и обогащает внутренний мир человека благодаря разнообразию отражений мира внешнего!)

Но недаром Айдар окончил Литературный институт по специальности «*художественный перевод*».

Эти знания помогли ему влиться в интернациональную культуру мира.

Он перевел на русский язык башкирский эпос «**Урал-батыр**».

По мнению серьезных специалистов, перевод Айдара Хусаинова на голову лучше и глубже других: автор не ограничивается частностями, а понимает архетип.

И «**Урал-батыр**» из разряда пересказов полумифических событий жизни полудикого народа может подняться на высоту таких памятников, как «**Калевала**», «**Шахнаме**» или «**Песнь о Гайавате**».

* * *

Роман «**Культур-мультиур**» вызывал и вызывает разные отклики.

* * *

Чаще всего слышны сетования по поводу того, что в книге некоторые персонажи выведены под своими реальными фамилиями.

Но живя в том же городе, общавшись с теми же людьми и зная о них не меньше автора, я скажу так: полная идентификация возможна лишь читателями, знавшими всех лично – а от таких не помогли бы ни измененные имена, ни сглаженные детали.

К тому же – скажу опять-таки на правах очевидца – что Айдар изобразил нелюбимых героев куда мягче, нежели они того заслуживают по своей деструктивной роли, отраженной в названии романа!

* * *

Упрекают автора и в том, что деятели местного литературного процесса изображены не вполне приглядно.

Все они: прозаики, поэты, публицисты, журналисты – суть *бездарные пьяницы и развратники*.

* * *

Разумеется, Айдар рисует коллег по цеху с изрядной долей гротеска и это понятно: такой подход вызывает хоть грустную, но улыбку – при ином об улыбках речи не идет.

Второе и третье из нехороших человеческих качеств, какими Хусаинов *якобы* аттестует художников слова, в определенной степени свойственны любому настоящему поэту – от Александра Сергеевича до Юрия Иосифовича.

Более того, беру на себя смелость утверждать, что и прозаик, лишенный страстей, напишет разве что десяток *«снов Веры Павловны»*.

А вот что касается *дарности-бездарности*...

Тут все куда сложнее.

* * *

Любой пишущий человек почти никогда не бездарен хотя бы потому, что он **пишет**; совсем бездарные смотрят футбол по ТВ или читают в Интернете новости о разводе кинозвезд.

Другое дело, что одни пытаются реализовать природное дарование в полной мере, а другие за всю жизнь не поднимутся выше снотворной прозы или стихов, вызывающих ощущение езды на телеге по колдобинам.

Причины тому просты.

Элементарная лень, неуважение к собственному труду, вера в некое *«вдохновение»*... от которого искусство зависит лишь на 1%, а остальные 99 даются трудом.

И кроме того, литературный процесс – как всякое природное дело! – для достижения результата требует *массовости* участников.

Один гениальный поэт может возникнуть разве что в бушменском племени – да и то признание гениальности будет основано на его исключительности как пишущего бушмена.

В русской секции было много разных авторов.

Согласно данным писательского съезда 1988 года – 24 человека среди 136 членов БО СП СССР.

И если из массы вырос хотя бы один Айдар Хусаинов, то уже этот факт говорит о том, что процесс шел не зря.

* * *

Конечно, окололитературные страсти нередко поднимают на пьедестал людей, к литературе отношения не имеющих.

Но процесс на то и процесс, чтобы результат был стохастическим; а *что именно* всегда и везде всплывает наверх – известно всем.

* * *

Человеку, далекому от искусства, роман может показаться пародией на литературную жизнь.

Я вижу его под другим углом.

* * *

Не знаю, закладывал ли Айдар ассоциацию, или все вышло случайно, но подспудный смысл имеется в самой фамилии героя.

Ведь именно «*Багров-внук*» фигурирует в произведении великого уфимца прежней эпохи – русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова.

Это подчеркивает как наследственную преемственность культурного процесса, так и плачевный результат, к которому пришла «*культура*» нынешних времен.

* * *

Выше я поименовал роман Айдара Хусаинова *трагедией*.

Возможно, кто-то не согласится.

Скажет, что нет никакой трагедии в судьбе его героев.

Людей не в меру чувствительных, рефлексирующих и страдающих на пустом месте.

Завивающих горе веревочкой и заливающих водкой с пивом пополам.

Мечущихся в поисках точки приложения своих способностей и не находящих ее из неумения искать.

Безящихся неизвестно с чего вообще.

Но так ли это?

* * *

Суть искусства состоит в изображении жизни.

Каждый вид его действует по-разному и все кроме одного не могут существовать без своих специальных средств.

Живопись – без красок, архитектура – без материалов, музыка – без инструментов, театр – без актеров, кино – без целого комплекса.

Литература же не требует ничего, только бумаги в прошлые века и компьютера в нынешний.

Вот поэтому она – зависящая лишь от таланта автора – является искусством *сильнейшим* по уровню даже не изображаемой, а *воссоздаваемой* жизни.

Только писатель может дать исчерпывающую, полновесную и полноценную картину того, чего никогда не было, но что могло быть согласно общим законам человеческого бытия.

Настоящая художественная проза позволяет сделать очень много.

Конечно, и второсортная литература кое-чего стоит.

Даже лубочный детектив может подарить радость следования за интригой.

Даже бессмысленное фэнтези позволяет отключиться от безрадостной серости бытия.

Даже любовный роман с неземными красавицами на баснословных автомобилях и стокаратными бриллиантами в пупках порой уводит в мир грез.

Даже захлестнувшие весь мир миниатюры о том, над каким именно кустиком задрала ногу любимая собачка автора или какое именно платье надела задом наперед его любимая внучка, иногда вызывают добрую улыбку.

Но истинная литература, служащая *гимнастикой души*, немислима без катарсиса – очищения этой самой души путем сопереживания чужим страданиям.

Чужим для читателя, но *своим* для автора.

Ведь писатель не просто распыляет свою единственную жизнь на сотни вымышленных – он пропускает героев через себя.

Истинный художник всегда страдает от своего призвания, поверхностный словописец литератором быть не может.

И потому жизнь писателя часто оказывается именно *трагедией*.

* * *

Художник слова...

Если, конечно он именно *художник*.

А не бодренький старый златоуст (неважно какого пола!), пострачивающий от нечего делать то убогие бытописульки, то корявые стишки...

(Увы, на данном сайте таких найдется едва ли не 12 на дюжину...)

Художник слова всегда живет в аду своей души.

Sapienti sat.

* * *

Кто-то возразит, что я слишком серьезно отношусь к героям книги – но я вижу все, что автор заложил между строк.

* * *

Первыми фразами Айдар Хусаинов вводит в атмосферу эпохи, которая служит временем действия романа.

Все начинается на второй день последнего года уходящего XX века.

Того самого, который *тогда* нам казался и суетным и недобрым, но *теперь* видится счастливым в сравнении с веком XXI.

С эрой информационного порабощения, уничтожения человеческой личности – эрой, в которой вывернутый наизнанку человек скоро не сможет поИсать без того, чтобы процесс не фиксировался какой-нибудь камерой наблюдения.

Тогда мы еще не могли знать, что третье тысячелетие означает закат самой культуры в общемировом масштабе.

Что мы потеряем почти все наработанное предыдущими поколениями, получив взамен лишь возможность на ходу читать полуграмотные интернетские статейки да слушать омерзительные голоса радиокomentаторов.

Что в этой жизни все вообще перевернется с ног на голову.

Писатель перестанет зарабатывать литературным трудом и будет вынужден *платить* за физический выход к читателю.

* * *

Художник, озаренный искрой божьей, сгинет в неизвестности.

Зато будет тоннами издавать свою макулатуру бывший бизнесмен, нынешний богатый путешественник, широко известный в местных кругах «*заслуженный деятель культуры*», позиционируемый как «*уфимский Жак-Ив Кусто*» **X.Y.Z.** – бездарный и никчемный, как пластмассовая пробка (именно *пластмассовая*; из настоящей можно хотя бы сделать поплавок).

* * *

И я – писатель до последней капли существа – при чтении романа испытываю те эмоции, какие приходят к человеку, стоящему у края пропасти, в глубину которой страшно заглянуть.

* * *

Роман Айдара Хусаинова требует нескольких прочтений подряд.

Сначала просто следуешь по жизни за непутевыми героями, ожидая очередного поворота их судеб.

Потом вчитываешься в образы и видишь этих людей – жалких на первый взгляд, но вызывающих человеческую жалость при взгляде втором.

А потом эта жалость обращается к самому автору, который виден в литераторе Багрове даже тому, кто не подозревал о самом факте существования современного русскоязычного писателя Айдара Хусаинова.

* * *

Так кто он, автор романа «**Культур-мультиур**»?

И в какой мере трагедия «*культурной*» жизни отражает его жизнь?

* * *

Прежде всего Айдар Хусаинов – человек, создавший себя сам.

Я всегда видел в нем городского интеллигента в невесть каком поколении, имеющего за собой несколько университетов, оконченных его предками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.